

THE SYMBOLISM OF A. AKHMATOVA'S POETRY IN THE ENGLISH-SPEAKING RECEPTION**Lomova E.***Associate professor,**Kazakh national pedagogical university named after Abay***Sirgebayeva S.***T.Zhurgenov Kazakh national academy of art, ass. professor***Shoibek B.***University of International Business named after Kenzhegali Sagadiev (UIB)**Master of Arts, lecturer***Kokenova Z.***Senior Lecturer, Kazakh National Pedagogical University named after Abay***СИМВОЛИКА ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЦЕПЦИИ****Ломова Е.***Ассоциированный профессор,**Казахский национальный педагогический университет имени Абая***Сиргебаева С.Т.***доцент, Т.Жургуенов Казахская национальная академия искусств***Шойбек Б.М.***Университет Международного Бизнеса им. К.Сагадиева**магистр, преподаватель***Кокенова З.***магистр педагогических наук, старший преподаватель**Казахский национальный педагогический университет имени Абая*<https://doi.org/10.5281/zenodo.13930492>**Abstract**

In her work, A.Akhmatova has always relied on the folk poetic tradition. This creates certain difficulties in translating her lyrics into the language of another national culture and mentality. The symbolism of Russian folklore is very specific, and it is difficult to translate it into the context of a foreign language perception of nature, man and the surrounding reality.

In the Russian folklore poetic culture, intonation differences provided a synthesis of playful, fervently joking intonation and deep lyricism of the text. There is no such analogue in English poetry, as a result of which an organic combination of the playful carnival character of the Russian text with its deep and almost confessional lyricism turned out to be impossible for an English-speaking translator.

The individual manner of the author and the poetic world he creates largely determine his preferences in the field of choosing the genre nature of a poetic text. In the work of a translator, it is this area of perception of the author of the original work that is particularly problematic. The difference in mentalities and linguistic worldviews, which are very often closely related to the oral historical tradition, are the reason for such difficulties and semantic gaps in the translated text.

Аннотация

В своем творчестве А.Ахматова всегда опиралась на народную поэтическую традицию. Это создает известные трудности при переводе ее лирики на язык другой национальной культуры и ментальности. Символика русского фольклора очень специфична, и ее трудно транслировать в контекст иноязычного восприятия природы, человека и окружающей действительности.

В русской фольклорной поэтической культуре интонационные перепады обеспечивали синтез игровой, задорно-шутливой интонации и глубокой лиричности текста. Подобного аналога в английской поэзии не существует, вследствие чего органичное сочетание игрового карнавального характера русского текста с его глубокой и почти исповедальной лиричностью оказалось для англоязычного переводчика невозможным.

Индивидуальная манера автора и создаваемый им поэтический мир во многом определяют его предпочтения в области выбора жанровой природы поэтического текста. В работе переводчика именно эта область восприятия автора оригинального произведения является особенно проблемной. Разность ментальностей и языковых картин мира, которые очень часто тесно связаны с устной исторически сложившейся традицией, являются причиной подобных трудностей и семантических лакун в переводном тексте.

Keywords: poetic tradition, national culture, mentality, symbolism, context of a foreign language**Ключевые слова:** поэтическая традиция, национальная культура, менталитет, символика, контекст иностранного языка

Лирические произведения великой русской поэтессы представляют собой органичный синтез ярких, запоминающихся образов и эпического построения лирического текста, в котором драматический конфликт движется от точки своего возникновения до момента наивысшего напряжения.

В лирическом произведении А.Ахматовой «Дверь полуоткрыта» экспозицию образуют первые строки, с которых начинается завязываться и развиваться поэтический сюжет. Поэтесса обращается к воображению и восприятию своего читателя с точки зрения звуковой гаммы и цветовой палитры стиха. Поэтесса так проводит повествовательную нить, что взор перемещается от полуоткрытой двери к забытым на столе хлысту и мужским перчаткам, видимо оставленным кем-то, кто дорог сердцу лирической героини. Взгляд останавливается на желтом круге от света настольной лампы, обоняние захвачено чарующим запахом лип, а слух улавливает шорохи и чью-то жизнь за пределами дверного проёма.

Символика поэзии А.Ахматовой расширяла границы замкнутого пространства дома или определенного места. Она умела с помощью отдельных, говорящих деталей не только передать психологическое состояние автора или лирической героини, но и с необыкновенной новизной представить, казалось бы, всем знакомые объекты окружающего мира.

Растерянность героини по поводу ухода любимого человека создает стремительную и пронзительно драматическую кульминацию лирического текста. Внешние краски окружающего пространства находят отклик во внутреннем мире и душевных переживаниях героини. В ней ещё сохраняется уверенность, что жизнь все же прекрасна, и завтра будет новое утро. Но за всем этим проглядывает затаенная боль и усталость сердца, которое от горечи несбывшихся надежд, чего-то неутоленного, и недостигнутого бьется все глуше и все тише.

Ахматовский текст не любит спешки, беглого торопливого взгляда и отсылает читателя к попытке еще раз переосмыслить прочитанное. Заряд противоположной энергии, заложенный в начале стихотворения, побуждает к анализу ситуации, сложившейся в лирическом сюжете. Поэтесса не создает новых сюжетных поворотов в тексте, а обращается к философской глубине осознания бренности мирских печалей и тревог и принятию бессмертия человеческой души в ее полете к вечности.

Англоязычный вариант стихотворения «Дверь полуоткрыта» сохраняет основную фабулу поэтического текста. Она оказывается максимально сжатой в координатах лирического нарратива. В англоязычной версии происходит отказ от русской системы силлаботоники и принципа рифмующихся строк.

Но в переводе тщательно сохраняется все развитие сюжетных поворотов, заключенных в тексте русской поэтессы. Первые шесть строк выполняют роль завязки разворачивающегося лирического

конфликта, а шестая строка передает драматический накал и момент кульминации.

Англоязычный текст «с точностью передает эффект неожиданности, который возникает после воспроизведения эмоционального состояния лирической героини» [1, 49]. В ее голосе звучит горькое изумление и незнание причины внезапного ухода ее любимого. Последние строки стихотворения как бы уводят от конкретики данной в тексте ситуации в пространство бессмертия человеческой души, которой в мирской жизни приходится переживать сладость любви и горечь ее утери, радость бытия и накопившуюся усталость сердца от разочарований и рухнувших надежд.

В стихотворении А.Ахматовой «Дверь полуоткрыта» читатель включается в предложенную драматическую ситуацию и переживает ее вместе с лирической героиней согласно собственному жизненному опыту.

Драматический конфликт и его развитие не подаются автором с позиции прошлого и не являются когда-то уже пережитым событием, оставившим след в душе и теперь перешедшим в далёкое воспоминание. А.Ахматова искусно использует драматизацию поэтического текста, превращая отдельные строки как бы в ремарки киносценария или с мизансцены театральной постановки.

В англоязычном переводе вместо русской привычной силлабо-тоники используется свободный стих, который «актуализирует этическое начало текста и передает ему сходство с лирической прозой» [2, 37].

В своем творчестве А.Ахматова всегда опиралась на народную поэтическую традицию. Это создает известные трудности при переводе ее лирики на язык другой национальной культуры и ментальности. Символика русского фольклора очень специфична, и ее трудно транслировать в контекст иноязычного восприятия природы, человека и окружающей действительности. Музу русской поэтессы питают фольклорные аллюзии и образы, «взятые из кладезя народной речи и русской национальной картины мира» [3, 109].

В английском языке очень сложно подбирать те ассоциативные соответствия, которые были бы корректны при воспроизведении всего богатства художественного мира А.Ахматовой. Концепты, заложенные в ее лирическом тексте и основанные на фольклорных источниках, не находят точного соответствия в англоязычном языковом сознании.

В стихотворении А.Ахматовой «Песенка» начальные строки передают светлые чувства лирической героини и ее ощущение радости бытия, в котором восход солнца означает торжество жизни и торжество любви. Мажорная интонация первых строк лирического текста сменяется нерадостным повествованием лирической героини о своей жизненной судьбе. Ахматовский текст сохраняет смысловой параллелизм, на котором зачастую строится народная лирическая песня.

Образ лебеды, которую героиня вырывает с корнем на своем огороде, прочно символизирует в

народном сознании горечь и ощущение неминуемого несчастья. Вырванная с корнем лебеда становится мертвой, но сохраняет еще теплый запах отлетающей из неё жизни. Горечь и запах мертвой лебеды созвучен детскому громкому плачу, который слышит героиня. Звук рыданий ребенка становится голосом беды, которая ожидает ее в будущем.

Героиня и сама уверена в правоте этого печального пророчества, предсказывая себе самой вместо радости будущего счастья благоденствия, которое в народном сознании ассоциируется с достатком и хлебом, холодный камень в качестве злой награды безжалостной к ней судьбы.

Утешением становится только высокое, бездонное небо над головой лирической героини и голос того, кто ей бесконечно дорог. Он один удерживается в ее сознании, давая силы дышать и жить.

В качестве стихотворного размера А. Ахматова использует в этом стихотворении хорей, который также довольно характерен и для народного поэтического творчества. Трехстопные строки чередуются в лирическом тексте с четырёхстопными. Ритмический рисунок сохраняет некоторую неторопливость и интонационную протяженность, которая также свойственна произведениям русского народного фольклора. Драматизм и трагическая глубина ахматовского текста находится в заданном диссонансе с заглавием стихотворения - «Песенка». Счастливая слаженность женской судьбы, как и досягаемость гармоничности земного бытия кажется поэтессе несбыточной мечтой в суровых русских реалиях. Это вызывает горькую иронию автора и «ощущение безысходности и утверждает констатацию нескончаемого терпения и покорности судьбе, заложенные в народном женском характере» [4, 309].

В английском варианте «Песенка» становится просто «Песней», и иронический горький подтекст теряется, и тем самым выхолащивается сама сущность авторского замысла.

Но автор перевода со всей бережностью и тщательностью работает над сохранением всей пунктуационной организацией оригинала и пытается максимально, адекватно передать смысловое содержание лирического текста.

Песенная традиция народной поэтической культуры предполагает сохранение стихотворного текста средствами рифмовки и особой ритмической структуры. Всего этого нет в английской поэзии, «которая имеет возможность только силабо-тонику оригинала заменить свободным стихом» [5, 79].

При переносе оригинального текста в иноязычную культуру в принимающем языковом сознании возникают несоответствия в тех образных ассоциациях, на основе которых строится оригинальный поэтический нарратив. В английском языковом сознании лебеда - это обычное травяное растение, которое вовсе не коррелируется с образом беды, какого-либо несчастья либо неразрешимой проблемы. Психологический параллелизм текста оказывается в этом случае разрушенным, а авторский замысел остается нераскрытым в полной мере.

В англоязычном переводе старательно сохраняются все элементы содержательной стороны поэтического произведения, передаются синтаксические особенности его структуры, но сама жанровая природа ахматовского текста все равно оказывается утраченной. Потеря жанровой специфики влечет за собой и утрату надтекстового смысла произведения, наполненного трагической надрывностью, которая передает осознание лирической героини всеобщего драматического характера судьбы русской женщины.

Англоязычные переводчики очень ценили поэтический дар Анны Ахматовой, серьезно исследовали её творчество и активно популяризировали её поэзию в своей стране.

Несоответствие русской и англоязычной ментальности создает и трудности в других аспектах при работе с ахматовскими текстами. В стихотворении «Песенка» говорится о том, что лирическая героиня вырывает горькую лебеду на своем огороде. Слово огород в английской культурной традиции означает специально выделенное место на заднем дворе дома или усадьбы, предназначенное для занятия овощеводством. Таким образом, в сознании англоязычного читателя возникает представление об английском, а не о русском способе выращивания овощей, хотя английский язык дает несколько эквивалентов, связанных с этими русским словом. Русский «огород» может переводиться как *kitchen garden*, *backyard* и *croft*.

В стихотворении А. Ахматовой героиня видит девочку босую, которая плачет у плетня, и в её голосе, в звонких воплях детских рыданий ей слышится голос неминуемой беды. Но любовь героини к жизни всё же не убита, и она поет о любви на солнечном восходе, утверждая своё желание быть счастливой вопреки всему.

В английском варианте любовь лирической героини оказывается уже убитой. Психологический параллелизм сохраняется в общей тональности стихотворения, когда горький детский плач предвещает будущие испытания, нелегкие дни и печали, в которых будет потоплена надежда и возможность любви и счастья.

Образ босой девочки имеет в русской фольклорной традиции особую наполненность и означает крайнюю бедность, социальную уязвимость и вызывает христианское сострадание. В английском переводе этот эпитет вовсе исчезает, потому что, видимо, не имеет соответствующих коннотаций в английской ментальности.

Русская поэтесса использует прием олицетворения, как основной в фольклорной культуре и идущий еще от языческого миропонимания. В английском варианте отсутствие психологических и ментальных ассоциаций, связанных с образом лебеды, возмещается тем, что лирическая героиня просит прощение у бога. Это выглядит всё же оправданным, потому что в тексте присутствуют библейские аллюзии (вместо хлеба героиня ждет в награду холодный и тяжелый камень).

В ахматовском тексте библейские ассоциации находятся в подтексте и рассчитаны на адекватное

читательское восприятие и соответствующий культурный уровень адресата. В англоязычном переводе скрытый ахматовский подтекст подвергается раскодировке, но такая подмена все же не воспринимается как явная утрата содержательного смысла оригинального текста.

Ахматовский текст имеет ритмическую структуру, основанную на стихотворном размере хорея. Англоязычный перевод максимально старается сохранить ритмическую организацию ахматовского текста, рассчитывая на то, что у читателя уже есть опыт соприкосновения с балладным стихом, очень «популярным в английской культурной и языковой традиции и тоже построенным на достаточно точной рифмовке» [6, 102].

Таким образом, можно заключить, что содержательная и жанровая специфика стихотворения русской поэтессы была предметом внимательного изучения и серьезной, вдумчивой работы английского переводчика.

Авторские мотивы и символика ахматовской лирики обладают богатством и психологической глубиной заложенных в них смыслов, аллюзий и ассоциаций, связанных с русской ментальностью и национальной картиной мира. А. Ахматова обращается к жанру народной частушки, в которой особенно ярко прослеживается русская фольклорная традиция. В английской языковой культуре подобный жанр отсутствует вовсе, что влечет за собой особые трудности в области его перевода.

Хорей как стихотворный размер особенно распространен в жанре русской народной частушки. Стихотворение А.Ахматовой «Я окошко не завесила» также в стихотворном размере представлено хореем, в котором последовательно чередуются четырех и пятистопные строки. Каждые две строки стихотворения создают законченный период, который в синтаксической структуре и семантике поэтического текста рождает напевную ритмическую интонацию.

В поэтическом нарративе сохраняются перепады высокой и низкой интонаций. Американская переводчица Лин Коффин очень тщательно пытается воспроизвести песенную интонацию оригинального текста. Перекрестная рифма, которая присутствует в русскоязычном оригинале, максимально сохраняется в переводном поэтическом тексте, требуя от переводчика поиска английских точных рифм. Чтобы достичь подобного эффекта и не утратить смысловой содержательности потерянности ахматовского текста переводчица выбирает вместо русского хорея английский дольник. Произведение при таком выборе стихотворного размера приобретает своеобразный игровой характер, что не противоречило современной английской художественной и языковой традиции.

Отличительной особенностью жанра народной русской частушки является своеобразный интонационный рисунок стихотворного текста, сохраняющий резкие перепады. Так как жанр частушки не входит в поэтическую англоязычную традицию, эти перепады высокой и низкой интонации в переводном варианте вообще не прослеживаются.

В русской фольклорной поэтической культуре интонационные перепады обеспечивали синтез игровой, задорно-шутливой интонации и глубокой лиричности текста. Подобного аналога в английской поэзии не существует, вследствие чего органичное сочетание игрового карнавального характера русского текста с его глубокой и почти исповедальной лиричностью оказалось для англоязычного переводчика невозможным.

В другом переводном варианте стихотворения А. Ахматовой, автор которого Ричард Макейн, жанровый характер русскоязычного оригинала, основанный на частушке, вообще почти полностью утрачивается. Переводчик выбирает строки различной длины, в результате чего ахматовский текст воспроизводится в иной иноязычной культуре при помощи ямба, который попеременно уступает место стопам хорея, среди которых она хорейная стопа замещается анапестом. Интонационные перепады русской частушки, ритмический рисунок, который творчески использует А. Ахматова, оказываются полностью утраченными.

Индивидуальная манера автора и создаваемый им поэтический мир во многом определяют его предпочтения в области выбора жанровой природы поэтического текста. В работе переводчика именно эта область восприятия автора оригинального произведения является особенно проблемной. Разность ментальностей и языковых картин мира, которые очень часто тесно связаны с устной исторически сложившейся традицией, являются причиной подобных трудностей и семантических лакун в переводном тексте.

Однако английская и русская концептосферы имеют сходство в глубинном понимании объектов и явлений окружающей действительности. Отражая многокрасочность природы и мирского человеческого бытия, обе языковые культуры стремились к простоте и изящному лаконизму, выраженному тщательно отточенных поэтических формах. Система ярких и тонко подмеченных деталей, объемные и запоминающиеся образы опосредованно воспроизводили всю гамму чувств и душевных переживаний лирического героя, искусно скрывая ее за аллюзиями, ассоциациями и игрой слов. В этом обнаруживалась глубинная общинность англоязычного и русского подходов к восприятию окружающей картины мира, «создавая предпосылки для взаимопонимания концептосферы обоих социально-общественных систем и национальных культур» [7, 99].

Особенности женского мировосприятия и отношения к действительности скрывают интимные стороны женской картины мира, которые открываются вдумчивому и внимательному читателю благодаря глубокому психологизму лирики А.Ахматовой. В обыденных и привычных предметах и вещах русская поэтесса умеет находить скрытый смысл и лаконичную символику, которая передается в поэтическом тексте с подлинной психологической достоверностью и художественной убедительностью.

Переживания и драматический накал чувств лирической героини транслируются через бытийные знаковые детали ее предметного вещного мира. Забытая перчатка и оставленная мужская трость, шляпа или вуаль могут красноречиво рассказать о восторгах свиданий и постепенном охлаждении любовного чувства. Поэтика говорящей детали, которая наделяется ёмким внутренним смыслом, существует и в англоязычной художественной традиции, в силу чего эта особенность ахматовских текстов нашла адекватное замещение в переводах лирики русской поэтессы.

Национальная концептосфера имеет языковые способы своего выражения, и потому оригинальный текст имеет грамматическую форму, синтаксическое и пунктуационное оформление, а также стихотворный размер и ритмический рисунок согласно правил и норм родного языка. В переводном тексте эти правила и нормы языкового выражения могут строиться на иных основаниях и принципах, зависящих от условий их исторического формирования.

Эти несовпадения могут являться причиной неудачи при переводе текста иноязычной культуры и другой языковой традиции. В исходном языке фонетическое звучание отдельных звуков может наделяться особым символическим смыслом, связанным с определенными аллюзиями и психологическими ассоциациями. Принимающая литературная традиция может не разделять подобное звуковое восприятие стиха в силу несовпадения концептосфер и особенностей ментального характера.

Смысловая заряженность лирического текста помимо фонетического строя может быть обусловлена его особым пунктуационным оформлением и интонационным рисунком. Незначительные, на первый взгляд, изменения переводчика в этой сфере, которые он допускает, могут привести к искажению его основного семантического концепта.

Каждая исторически сложившаяся культура имеет свои языковые закономерности, связанные с формированием метрической системы и рифмы, которые связаны с общим процессом формирования национальной поэтической традиции. Изменения, заложенные в основу переводного текста, могут привести к ложному пониманию всей целостной художественной системы оригинала.

С этой точки зрения переводной текст вводит иноязычного читателя в художественный мир автора, помогает разобраться в нем и разделить авторское восприятие действительности и человеческой природы. Исходя из этого, любой, даже самый талантливый перевод является лишь версией оригинального произведения, но при этом занимает достойное место в литературе и поэзии и играет важнейшую роль в общем процессе межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Akhmatova A. You Will Hear Thunder./ Transl. by Tomas D.L.: Seeker a. Warburg, 1985.-147p.
2. Amert S. In a Shattered Mirror: The Later Poetry of Anna Akhmatova. -Stanford: Stanford University Press/ 1992.-288p.
3. Laird FR/Swan Songs: Akhmatova and Gumilev. L: Advanced Marketing Technologie, 1992.-508p.
4. Peder R. Anna Akhmatova : poet and prophet. New York : St. Martin`s Press, 1994.-619p.
5. Wells D. Anna Akhmatova : Her Poetry. Oxford : Berg Publishers, 1996. -192p.
6. Кинхей Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремёсла: Монография. М.: Диалог МГУ, 1997.145 с.
7. Dalos G. The Guest from the Future : Anna akhmatova and Isaiah Berlin. L.:John Murray, 1998.-250p.